Ирмата Арьяр

Золушка в стиле вамп

притвориться нежитью чтобы выжить

Ирмата Арьяр

Золушка в стиле вамп

«Автор»
2026

Арьяр И.

Золушка в стиле вамп / И. Арьяр — «Автор», 2026

Живое сердце среди вечной нежити? Надолго ли? В Городе Мёртвых, где вместо фонарей — болотные огни, а дорогу указывают висельники, Золушка — единственная, кто дышит. Восемнадцать лет её охраняет древний Договор от сотен голодных клыков, но у любой стены есть слабость. В ночь Самайна, совпавшего с ее совершеннолетием, Прекрасный Принц выбирает Вечную невесту, и Золушке суждено оказаться в центре выбора. Один смертельный бал, один танец с тем, кого нельзя обмануть, и одна цена, которую придётся заплатить. Кто будет платить - решит странная Фея с костяной ногой.Примечания автора:Тёмное фэнтези о надежде, свободе и цене, которую берёт магия Самайна.МИНИ (примерно 45-50 тыс. знаков).

© Арьяр И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Единственная 5
Глава 2. Договор, подписанный кровью 7
Глава 3. Иди и умри. Когда-нибудь 9
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Золушка в стиле вамп

Глава 1. Единственная

В Городе Мертвых, где готические шпили царапали низкое, цвета застарелой гематомы небо, мачеха и две сводные сестры Золушки готовились к Балу Мертвых. Приближалась ночь накануне Дня всех святых, когда нечисть и нежить празднует свою вечную нежизнь.

Но это была особенная ночь, когда канун самайна выпадает на пятницу, когда Прекрасный и Бессмертный Принц по вековой традиции выбирает себе Вечную невесту (до следующего совпадения пятницы и самайна) и дарует ей вечную нежизнь.

Звучит красиво. А если попросту, — высший вампир кусает свежую (желательно — живую), совершеннолетнюю девственницу, не выпивая ее досуха, дает ей попробовать свою мертвую псевдо-кровь и совершает прочий взаимообмен между организмами.

Особняк мачехи стоял на пригорке, на окраине Города Мёртвых — необъятной, полной праха и страха столицы, где вместо уличных фонарей горели болотные огни на дорожных виселицах, где висельники служили указателями, где за каждой дверью, за каждым из забранных ажурной решёткой окон пряталось нечто, что существовать не должно, но существовало.

Живые находились здесь только в качестве жертв.

И тем не менее в этом городе жила Золушка. Живая. Теплая. Красивая и нежная, как рассвет.

Золушка была как раз девственницей, и ее совершеннолетие наступило сегодня. Ее кровь достаточно созрела, чтобы дать много силы, но еще оставалась свежим благоухающим деликатесом.

— Сегодня Прекрасный принц выбирает невесту. Ты не пойдёшь на бал, живым там нечего делать, а ты отвратительно живая и воняющая золой и потом! — прошипела мачеха, поправляя на шее старшей дочери ожерелье из крысиных позвонков. — Мы вернемся сразу после того, как Принц выберет невесту. Отметим в домашнем кругу избрание одной из моих девочек. Отмойся как следует к нашему возвращению, Золушка.

Мачеха была упырём — и не просто упырём, а древним, как этот город, существом, чьё лицо когда-то было прекрасным, а теперь походило на растянутую пергаментную маску, натянутую на череп.

Её дочери, Урсула и Грета, были бледными, как мел, худыми, как сабля, с волосами цвета плесени и ртами, наполненными двойным рядом игольчатых зубов. Они не были умершими, как их мать, потому что не были рожденными. Они произрастали в городе мертвых, как бледные поганки растут из тела грибницы, и никогда не видели настоящего солнца. В их телах текла слизь вместо крови, напрасно мачеха надеялась, что Прекрасный Принц выберет поганку.

В тот вечер Золушка, сидя на золе остывшего много лет назад очага, перебирала не пшено, а мышиные косточки. Не семечки, а крысиные коготки. Ее обычная работа. Из косточек она по приказу мачехи молола муку в ручной мельнице и делала лепешки на завтрак. Упырица ела их по утрам, макая в свежую кровь, добытую ночью. И Золушка предпочитала не знать, кто стал ее жертвой.

Потом девушка соскребала с каменных плит пола запёкшуюся кровь упириных трапез. Её пальцы были стёрты, колени болели от ледяного камня, но мачеха требовала идеальной чистоты.

Мёртвые любят свежатину, но не терпят грязи живых.

Чем питалась сама Золушка? Она сама предпочитала не думать об этом. Каждую ночь перед рассветом ее навещала Фея, как она сама себя называла, —древняя, высохшая ведьма с глазами цвета болотного газа. Старушка приносила корзинку с черствым хлебом, засохшим

сыром, сушеные корешки и ягоды, из которых Золушка варила себе кашу, когда мачеха и сестры спали в своем склепе.

Собственное дыхание Золушки — живое, тёплое, почти бесстыдное в этой обители смерти — казалось ей пульсирующим маяком, который рано или поздно приведёт хищников. Поэтому девушка жила на чердаке, чтобы запах ее живого тела был как можно дальше от упыриных могил и склепов. Восемнадцать лет она пробыла живой среди мёртвых, и все восемнадцать лет это было чудом.

И потому самым странным во всём этом было не то, что Золушка жива. А то, что за семнадцать лет её ни разу не пытались сожрать, лишь каждую ночь мачеха грызла упрёками и изводили работой, не давая падчерице спать, как полагается нормальному человеку, а сестры издевались, не в силах простить живой сестре ее красоту и жизнь. Это была нелюбовь вечных антагонистов, ревность и борьба противоположностей без единства.

Ответ уходил корнями в Договор.

Глава 2. Договор, подписанный кровью

Отец Золушки был егерем, знающим окрестные леса, а также контрабандистом и черным археологом. Он проник в город мертвых за богатой добычей, но был пойман. Но в ту ночь тоже был Самайн и Бал, и Вечный Принц приказал ему или отдать ему самое дорогое, что у него есть (имея в виду, конечно, жизнь), или жениться на вдове и выращивать ее дочерей.

Упыриха, тогда еще не хозяйка особняка, а просто очень старая, очень злая нежить, увидела свою возможность. Она заключила с отцом Золушки сделку: она защищает его дочь от нежити, в том числе от себя, но взамен получает его дело, его дом и его дочь в услужение. Он согласился с одним условием: дитя, отданное Мертвому Городу на воспитание, нельзя трогать. Никому. Ни ей, ни сестрам, ни прочей нежити города. Договор был магией — кровной, обоюдной связью, которая сожжет того, кто осмелится его нарушить.

Отец умер в ту же ночь — от тихого, уже подточившего его недуга. Сердце не выдержало. И последнее, что он сделал, — подарил маленькой дочери завернутый в кусок рогожи оберег из чеснока, соли и осиновой щепки. Он не мог спасти ее от жизни в этом городе, но рассчитывал, что оградит от смертной хватки до тех пор, пока его дочь не повзрослеет достаточно, чтобы сбежать.

Так Золушка и жила: живое мясо под охраной мертвого договора. Мачеха плевалась, сестры точили когти, горожане облизывались на стук ее сердца — но никто не смел тронуть. Договор был стеной. А стены, как учила ее жизнь, имеют одну слабость: их можно обойти.

Мертвые мечтали сожрать ее, но не могли. А Золушка мечтала о том, чтобы увидеть настоящее солнце. Солнце живых.

— Ты не пойдёшь на бал, — повторила мачеха, и в её горле что-то клекотало, как в трубе, забитой листьями. — Закончишь тут и отправляйся на чердак. И сиди там до ночи, пока мы не уедем, чуять тебя больше не могу!

Золушка продолжала тереть плиты. Она знала: не просто так мачеха расщедрилась на дрова и разрешила ей нагреть воду и помыться. Упыри ненавидят огонь. А значит, старая карга нашла, как обойти договор. Любой договор оставляет лазейку. Любой. Например, что считать форс-мажором… И тогда упыриха, вернувшись с бала, сожрет ее еще до рассвета, а косточки отдаст своим дочерям, которые давно мечтают сгрызть их не фигурально.

Ей надо на бал! Надо найти во дворце врата в мир живых, которые открываются в самайн! Это был вопрос выживания, а не танцев. Впрочем, как давно поняла Золушка, в этом городе выживание и есть виртуозный, смертельный танец.

Поздним вечером мачеха и сестры умчались, гремя скелетами лошадей, впряженных в золотую карету, где золото было ржавчиной, а шелковые ленты — паутиной.

Когда часы в главной зале — собранные из черепов и натянутых сухожилий — начали отбивать одиннадцать, в подвале материализовалась Фея.

Золушка поморщилась от ударившего в нос запаха тины и прелого мха. Ведьма, кормившая ее все эти годы, не имела отношения ни к городу, ни к договору. Она выглядела так, словно древнее и мачехи, и города. Но девушка никогда не спрашивала ее имя, никогда не заглядывала под капюшон призрачного белого одеяния и не интересовалась, почему у Феи одна нога — костяная.

— Хочешь на бал, милая? — проскрипела старуха. — Но учти, магия самайна берет плату.

— Какую?

— Жизнь.

— Тогда какой смысл? — фыркнула Золушка.

— Твою старую жизнь, глупая. Магия Хэллоуина похоронит ее.

Золушка смотрела на ведьму, и впервые за восемнадцать лет ее сердце ускорило бег не от страха. Страх был ей знаком, как испачканный в золе фартук, — она носила его каждый день и почти перестала замечать. Но тут, под болотными глазами ведьмы, в ней шевельнулось что-то другое. Надежда. Та, что опаснее страха, потому что страх предостерегает, а надежда толкает вперед, даже если в конце пути — пропасть.

— Моя старая жизнь, — медленно повторила она, вытирая подсохшие грязные разводы на щеках. — Моя старая жизнь — это скоблить чужую кровь и ждать, когда меня съедят. Хорони ее, бабушка.

Ведьма почувствовала эту твердость, и в ее темных зрачках что-то одобрительно блеснуло.

— Тогда идем. Пора тебе выйти из башни, в которую тебя заточила твоя унылая судьба.

Впервые в жизни Золушка открыла входную дверь и ступила за порог дома. Ее радость соседствовала со страхом перед переменами. Что ждет ее? Может быть, в эту ночь она умрет. Может быть, умрет только старая жизнь и начнется новая.

Она посмотрела на сизо-алые тучи, вечно закрывающие небо над городом, словно там, наверху, был еще один слой земли. Но за ними — все равно встает и заходит солнце.

Глава 3. Иди и умри. Когда-нибудь

Старуха взмахнула кривым посохом с лезвием на конце, и над головой Золушки вспыхнул ослепительно-оранжевый свет. Прямо из земли перед крыльцом вырвалась огромная тыква. Её бока пульсировали, как больное сердце, а внутри, в вязкой мякоти, копошились личинки и муравьи.

Золушку передернуло от гадливости.

— Что поделать, эта земля иного не родит, — ухмыльнулась ведьма. —. Это твой транспорт. И твой таймер.

— Что такое таймер? — спросила Золушка.

— Если все получится, в новой жизни узнаешь.

Тыква трансформировалась. Её толстая корка выгнулась, ломаясь с желчным хрустом, превращаясь в изящную, но мертвенно-бледную карету из желтой полированной кости. Муравьи стали шестерёнками, а стебель — рулём. Коней этому транспорту не полагалось. Тыквенная мякоть теперь сочилась едким оранжевым соком, и капли его дымились, капая на черную землю.

— Этот сок — твоя защита, Золушка, — прошептала ведьма. — Пока он светится, ты выглядишь как одна из мертвых. Они увидят холодный, жуткий свет, который источает мёртвая плоть. Но в полночь магия выключится. Сок высохнет. Принц и его свита увидят твою теплую, красную, бьющуюся вену. Тогда у тебя будет один миг, чтобы решить, что ты хочешь. Поцелуй Принца и вечного существования в мертвом городе? Или неизвестной жизни, где ты никто, и где тебя никто не ждет.

— Я поняла, я готова, — Золушка благодарно склонила голову перед старухой. — Но почему вы мне помогаете?

— Потому что ты была вежлива, никогда не спрашивала, кто я, и принимала мои дары с благодарностью.

Фея снова взмахнула своей странной палкой с железным крюком.

Платье, сотканное из паутины и лунного света, облепило тело Золушки, подчёркивая пугающую хрупкость живого человека среди мертвецов. Мох обрамил ворот и рукава, как старинное кружево, и под лунным светом, сочившимся сквозь подвальное окно, оно отливало синевато-жемчужным, ирреальным сиянием, которое в этом мире могло принадлежать только нежити. Оно было прекрасным, как грёза, и ужасным, как посмертная маска.

— Очень красиво! — выдохнула Золушка. — Но, кажется, оно не очень сочетается с моей обувью.

— Не проблема.

Фея стукнула тупым концом палки о землю, плотная, как камень, почва содрогнулась, поднявшаяся пыль уплотнилась, и упала с хрустальным дребезгом.

— Ох ты ж, чуть каблуки не обломила! — скривилась старуха. — Вот, носи, не споткнись.

Золушка сняла башмаки, аккуратно спрятала под крыльцо и надела хрустальные туфельки. Вместо бантов на них были осколки чёрного вулканического стекла, острые, как бритвы.

— Осторожнее с ними. Они не для танцев, — предупредила ведьма почти нежно. — Они для того, чтобы в нужный момент тебе не пришлось искать оружие. Надеюсь, ты поймёшь, когда этот момент наступит. Он возможен только в эту ночь. А теперь иди. И не благодари. Иди и умри. Как-нибудь.

Золушка поклонилась и села в карету. Та дернулась, заскрипели шестеренки, как у часового механизма, сдвигающего стрелки раз в год.

«Иди и умри», — сказала ей Фея. «Как-нибудь». То есть, либо стань неживой невестой Вечного Принца, либо стань по-настоящему живой, найди и открой врата в мир живых.

Ее единственный шанс на рассвет — это пройти по краю пропасти в бальном зале, пережить танец с вампиром и использовать ту фору, которую дает ей магия самайна, чтобы навсегда покинуть территорию мертвых.

Глава 4. Бал неживых

Когда Золушка въехала на огромную площадь перед дворцом, ездовая тыква остановилась. Девушка надела диадему из сиявших бриллиантами ее собственных слез и маску с жутким лицом утопленницы, — все это она нашла на сиденье кареты, а значит, исчезнет в полночь.

Окна готического дворца с остроконечными башнями и острыми, как пики, шпилями сияли багровым светом, безопасным для вампиров.

Призраки в ливреях открыли перед ней высокие двери.

Она вошла в огромный зал. Оркестр, состоявший из скелетов, заиграл заунывный вальс. Кости стучали друг о друга в идеальном ритме — лучевая о лучевую, позвонок о позвонок, череп о ребра, и от этого глухого, ритмичного перестука по залу пробегала дрожь экстаза, почти религиозного.

Нежить — личи, упыри, вурдалаки и призраки, прикованные к земле незаконченными делами, — обернулась, как единый гигантский организм. Они почувствовали её. Тепло. Пульсацию. Мерзость и сладость жизни.

Она шла сквозь толпу в сияющем серебристо-лунном платье, и лица мёртвых медленно поворачивались за ней, как кошачьи глаза за мышью. Она чувствовала их взгляды: голодные, любопытные, жадные. Но оранжевый сок делал своё дело: от неё тянуло холодом и разложением, и мёртвые колебались, не решаясь двинуться.

Толпа раздвинулась, и она увидела цель.

На возвышении, в обитом бархатом гробу, возлежал Принц. Бледный, прекрасный с тонкими чертами и благородно прямым носом, с густыми черными локонами на алой подушечке,.

Его гроб был чёрным, лакированным, с золотыми ручками, и он возлежал в нём, положив длинные пальцы на узорные золотые борта. Веки его дрогнули, как тяжёлые шторы, и по залу прокатился волной восторженный, почтительный ропот.

Их повелитель — древний, как смерть, как этот город, — проснулся.

Он распахнул хищные, багрово светящиеся глаза. И улыбнулся. Широко. Радушно. Золушка содрогнулась, заметив его длинные игольчаты клыки, как у огромного нетопыря, но тут же взяла себя в руки. Нельзя показывать страх. Эти твари чуют страх лучше, чем даже открытую рану.

Принц поднялся — плавно, изящно. Он словно вытек из своего ложа, беззвучно, как тень.

Спустился в зал, и толпа мертвецов почтительно расступалась перед ним, кланяясь и восхваляя. Алые глаза обвели гостей Бала. Он чувствовал биение живого сердца где-то в этой блестящей и устрашающей толпе, но не видел, в чьей груди оно спрятано.

Каждый раз, когда Бал Мертвых приходился на пятницу, он искал ту единственную, чья кровь не остыла, чтобы сделать её своей вечной королевой.

Он мог питаться чем угодно, — кровью, страхом, мечтами, — но раз в год, в ночь самайна, когда границы между мирами истончаются, он позволял себе мечтать о невозможном: о живой женщине, которую можно обратить, о сердце, которое остановится ради него. Но зато ее душа будет сиять для него вечно, горячо и преданно. Только для него. Разве он хочет много?

Наконец он увидел ту, что сияла свежестью, как рассвет. Он подошёл к Золушке.

— Какое горячее у вас дыхание, — прошептал он, склоняясь к её руке. Его клыки царапнули кожу. — Вы здесь новенькая?

Ее сердце заколотилось. Она почувствовала, как волшебный сок на коже под его дыханием испаряется. Принц был слишком близко. Но она верила Фее.

Она проглотила страх, подняла подбородок и склонилась в реверансе, который видела у сестер, когда они издевались над ней, мол, мёртвого этикета живая ни за что не осилит. Она осилила.

— Новенькая, — ответила она тихо, и голос её не дрогнул, хотя внутри всё скручивалось в спираль от ужаса. — Меня не было на прошлых балах.

— Я знаю, — промурлыкал он, ведя её за руку в центр зала. — Я бы запомнил такой потрясающий контраст. Рассветное тепло и лунный холод. Изумительно.

Они танцевали. Золушка двигалась механически, чувствуя, как защита медленно испаряется с кожи, унося с собой иллюзию смерти. Она видела, как гости принюхиваются. Как их пустые глазницы загораются алыми или болотными огоньками, фокусируясь на её горле. Мертвые музыканты начали сбиваться с такта, привлечённые запахом ее эмоций.

Вальс казался бесконечным. Принц держал её за талию, и от его холодных пальцев сквозь паутину платья шла тоскливая, тянущая, неживая стужа. Он кружил её между гостями, и с каждым поворотом она рисковала порезать вулканическим стеклом туфель собственные лодыжки. Золушка чувствовала, как время, оставшееся до полуночи.

— Вы — живорожденная, это такая редкость, — шепнул Принц. У него не было живого дыхания, но связки в горле вибрировали по его воле, рождая слова. — Большинство из этих прекрасных дам в шелках и золоте — мертворожденные. Вот как те две девицы в осенних платьях, танцующие с призраками. — Он показал на сестер Золушки. — А есть еще убитые матерями до рождения. Они тоже вырастают в моем городе. С вечной тоской по жизни, которую у них отобрали до первого вздоха, если вы понимаете, о чем я.

Золушка не понимала, но кивнула. Музыка сменилась на еще более заунывную, и Принц остановился. Поблагодарил за танец, но руку не отпустил.

— Прогуляемся? Я покажу вам мою гордость — мой сад. Там такие чудесные беседки…

В которых она запросто может получить смертельный поцелуй.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.